

АККОРД

Такие странные дела:
соседка утку родила,
сожитель запил, мать лютует.
Набила на щеку тату
племянница, да не на ту,
а бабка краденым торгует.

Повсюду жизнь: она, как шмель,
закрой окно – отыщет щель,
она, как мышь, зерно отыщет.
Запрячет ключ – подкинет кость,
войдёт, как тать, – уйдёт, как гость,
как ветер – веет, воеет, свищет.

И кто потом поймёт её?
Какое пёстрое жнивье:
всё вместе – плевелы и злаки.

И, как заметил домуправ,
здесь шавки, моськи, волкодав,
гиены, волки и собаки.

Кто крупную находит дичь,
кто бьёт мелкашку, кто достичь
желал бы сразу райской дверцы,
кто греет злость, кто копит хлам,
кто затаился по углам,
а кто булыжник носит в сердце.

...Но наступает миг, когда
гурьба, толпа, братва, орда,
кто – в облаках, кто – в нечистотах,
кто сам в себе – упёрт и горд –
сливаются в один аккорд,
пугающий на нижних нотах.

ЛИХОЙ ЧЕЛОВЕК

Это старые зубы ломает о цепь
пёс голодный, блохаст, обуян,
это ночь купоросом окрасила степь,
где сплошной борщевик да бурьян.
Это рыщет повсюду лихой человек,
прячет нож в сапоге, в рукаве:
амалик ли, халдей ли, хазар, печенег, –
всё Антонов огонь в голове.

Он готов жечь и рушить порядок любой,
с перекошенным криками ртом...
Вот и родина Кольской надулась губой,
ощетинясь Уральским хребтом.
И пульсирует мощными венами вод,
сеть подземная гонит волну,
словно чует: вот-вот он ударит в живот
на Двине, на Днестре, на Дону.

И земле подо мною совсем не до сна:
я ворочаюсь, словно Кавказ,
как Сибирь угораю, валюсь, как сосна,
так что сыплются звёзды из глаз.
И спускается плавно небесная высь,
открывается Книга из книг,
деревенской старухой шурша: «Не бойсь!
Есть у родины нашей двойник!»

Вот она – между этих и этих страниц –
все тут живы в своей новизне
и летают с небесными стаями птиц
хоть куда – к Енисею, к Десне.
Распадается цепь, зацветает бурьян,
всё кончается – бедствие, ложь.
Лишь лихой человек изнывает от ран,
напоровшись на собственный нож.

ПЛАЧ О ПОТЕРЯННОЙ ВЕЩИ

Вещь пропадает, словно
развоплощаясь. Неровно
книги стоят на полке,
платья висят на палке,
криво торчат заколки,
тряпки черны, как галки.

Вещь пропадает, вроде
как, вопреки природе,
вдруг уходит за полог

зримых шкафов и полок,
наподобье аферы,
в ноуменальные сферы.
И, метафизикой вея,
вещь уж не вещь, а идея.

Я стою на границе,
тру глаза и ресницы,
чая узреть, немного с
трепетом, – эйдос, логос.
Где-то у этой двери
мир этот, где потери
в месте значном, сохранном,
в образе перевозданном.

Где-то здесь, под рукою,
за воздушной рекою,
за пустыней немотной,
как за шторой плотной...
Как моя вещь там? Служит
маме моей иль дружит
с облачною грядюю,
с Рождественскою звездою?

Всё я перепыхала
в доме, все одеяла
перетряхнула: что же...
Скоро и я так тоже:
р-раз – и ищите. Где-то
тут ведь была и – нету.
Книги стоят на полке,
платья висят на палке,
только лежат заколки,
только горланят галки.

КАРАНТИН

Грустно, как ни крути,
когда сидишь взаперти
и время, кажется, около
часов двадцати пяти.
Нынче родился Блок.
Скоро родится Бог.
Все эпохи сместились
времени поперёк.

Все у меня вот тут
в доме моём живут:
страсти, козни и казни
псалмы по ночам поют.

Всякий дух вековой –
тёмный, слепой, хромой.
А всё же псалом проклятья
не о них сто восьмой.

Ловят всё на лету
вдох этот – в высоту.
Вырезали по сердцу
русскую эту черту.
На подозренье труд
братъ, презирать иуд,

в небе искать Отечество:
а на земле – приют.

Дням здесь потерян счёт.
Время здесь не течёт,
разве что делят столетья
только на нечет-чёт.
Разве что час лихой
впишут красной строкой.
Левой грозят, но правой
благословят рукой.